

text

Ирина Савченко
Институт государства
и права РАН (Москва)

text

Irina Savchenko
Institute of State and Law
of the Russian Academy of
Sciences (Moscow)

В развитии Российского государства-цивилизации локальные культуры традиционно – в области права, литературы, в обществе в целом – идентифицировались и получали осмысление в этнорелигиозном контексте. Сегодня эта тенденция сохраняется и наглядно проявляет себя в градостроительных практиках. В этих практиках тенденция обретает особую иллюстративность и убедительность при создании и восприятии культовых сооружений, презентующих в архитектуре современного города локальные культуры, которые нередко – посредством реализации творческого и эстетического потенциала – преодолевают барьеры локальности.

Ключевые слова: государство-цивилизация; право и закон; архитектура города; культурная политика; этноконфессиональная динамика. /

In the development of the Russian civilization state, local cultures have traditionally been identified and interpreted in an ethno-religious context – in the field of law, literature, and society as a whole. Today, this trend continues and is clearly evident in urban planning practices. In these practices, the trend becomes particularly illustrative and convincing when creating and perceiving religious buildings that present local cultures in the architecture of a modern city. Such cultures often overcome the barriers of locality through the realization of their creative and aesthetic potential.

Keywords: local cultures; civilization state; urban architecture; cultural policy; ethno-confessional dynamics.

Правовая и градостроительная динамика локальных культур в России / Legal and urban planning dynamics of local cultures in Russia

Статья подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России» (Соглашение с Министерством науки и высшего образования РФ о предоставлении из федерального бюджета гранта на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технического развития от 12 июля 2024 г. № 75-15-2024-639)

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the scientific project (grant) "Creation of the Russian historiographical model of political and legal knowledge and its application for the development of promising means of countering ideological distortions of the civilizational development of Russia" (Agreement with the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation on the provision of a grant from the federal budget for major research projects on priority directions of scientific and technical development dated July 12, 2024, No. 075-15-2024-639)

Введение

Рефлексия роли и места локальных культур в развитии российского государства-цивилизации [1] делает возможным формирование целостной картины социально-исторического развития России [2]. И в данной статье делается шаг в этом направлении. В контексте теории цивилизационного развития нам необходимо иметь в виду два обстоятельства.

Во-первых, цивилизация всегда культурно-гетерогенна. Переставая быть таковым, государство становится нацией-государством, стремясь к культурной гомогенности. Однако любая гомогенность препятствует развитию, поскольку сложность и разнородность являются главным условием эволюции и того, что в теории систем принято называть «нелинейной динамикой» [3]. Во-вторых, ядром цивилизации являются города. Об этом свидетельствует и происхождение слова. В европейских языках – от латинского *civitas*, что значит «город». Или, например, в турецкой научной литературе цивилизацию обозначают словом *medeniyet*, некогда заимствованным османами из трудов арабского философа XIV–XV веков Ибн Хальдуна и этимологически связанным с понятием «город» [4]. И даже отвлечшись от деталей словарного генезиса, несложно понять, что без Мемфиса, Карфагена, Рима, Константинополя, а также Теночтитлана или Куско не было бы и великих цивилизаций. И об этих цивилизациях мы узнаем во многом через архитектурные артефакты, коими являются в первую очередь фрагменты культовых сооружений древних городов.

В данной статье будет показано, что в России на протяжении столетий динамика локальных культур в контексте цивилизационного развития государства, как правило, рассматривалась (и продолжает рассматриваться) в этноконфессиональном ключе – в научно-исследовательском, нормативно-правовом, литературно-художественном и в обыденном дискурсах. Такую ситуацию не стоит рассматривать в категориях правильного и неправильного; она скорее является имманентной составляющей того, что принято называть цивилизационным кодом. В наши дни этноконфессиональные контексты локальных культур в пространствах современных городов ярко проявляются в архитектурных практиках.

Аспекты культурной идентификации в философии, праве и поэзии

Понятие «культура» в российском научном дискурсе появилось благодаря академику Д. М. Велланскому в 1836 году [5, с. 293], который, однако, употреблял понятие лишь в одном из известных нам сегодня смыслов, противопоставляя его «натуре» (природе). И даже в этом значении в России долгие годы термин «культура» воспринимался как инородный, иностранный; вместо него использовались более понятные слова, которые можно было противопоставить «натуре»: «образованность», «просвещение», «разум», «воспитанность» (см.: История слова «культура» // Библиотека «Культурология». URL: <https://culturolog.ru/content/view/2028/>).

Использовать термин во множественном числе – «культуры» – примерно в одно время с Ф. Боасом, общепризнанным родоначальником культурного релятивизма, стали представители русского космизма П. А. Флоренский и Н. А. Бердяев. Сегодня все мы уверены, что слово *cultura* происходит от латинского *colere* – «профессионально возделывать почву». Эта точка зрения, вероятно мигрировавшая из Европы, была зафиксирована уже в «Карманном словаре иностранных слов», изданном Н. Кирилловым в 1845 году, на что, в частности, указывает Р. А. Будагов в книге «История слов в истории общества» (1971). Между тем представители русского космизма были убеждены, что понятие производно от слова «культ» (религиозный), и аргументировали свое мнение тем, что ни одна культура в мире не возникла вне религии: «Так, большинство культур, сообразно своей этимологии (*cultura* есть то, что имеет развиваться из *cultus*), было именно прорастанием зерна религии, горчичным деревом, разросшимся из семени веры» [6, с. 172]. Такой подход объясняет отчасти, почему, например, в русском дореволюционном социально-правовом дискурсе принадлежность к локальной культуре приравнивалась к вероисповеданию. Это, в частности, отражалось в паспортах.

В русском дореволюционном обыденном дискурсе отнесенность к локальной культуре также сводилась прежде всего к религиозной принадлежности. Указания на этнокультурную принадлежность если и встречались, то были неточными и/или поверхностными: «немец» –

применительно чуть ли не ко всем неправославным христианам, «татарин» – по отношению к людям нехристианской веры, в первую очередь к исповедующим ислам. Именно по такому принципу татарами называли коренных жителей Крыма (крымских татар) и горцев Северного Кавказа.

В среде русской интеллектуальной элиты были, вероятно, точные представления о локальных культурах Российской империи, однако и здесь были нюансы. Кейс «кавказского пленника» может быть достаточно показательным применительно к обозначению представителей локальных культур в среде русских интеллектуалов XIX века. Так, в русской литературе произведения с названием «Кавказский пленник» принадлежат трем разным авторам: А. С. Пушкину, М. Ю. Лермонтову и Л. Н. Толстому. Пушкин в этом произведении упоминает черкесов и чеченцев, Лермонтов – черкесов, а Толстой – татар. Именно так Лев Толстой называл северокавказских горцев, к которым Жилин и Костылин попадают в плен.

Лермонтов, который служил на Кавказе дважды, с перерывами, в 1838-м и 1840–1841 годах, хорошо ориентировался в этнокультурной картине региона. В его произведениях упоминаются черкесы («Черкесы», «Кавказский пленник», «Каллы», «Измаил-Бей», «Аул Бастунджи», «Хаджи Абрек», «Беглец», «Кинжал», «Дары Терека»), чеченцы («Колыбельная», «Герой нашего времени»), осетины («Демон», «Спор») и лезгины («Дары Терека», «Измаил-Бей»).

Пушкин бывал на Кавказе дважды, но сравнительно недолго (в 1820 и 1830 годах). В пушкинском «Кавказском пленнике» упоминаются черкесы и чеченцы, в других его стихотворениях есть указания на финнов, тунгусов и калмыков («Памятник»), цыган и армян («Черная шаль»).

Что касается Л. Толстого, нет оснований подозревать его в «социокультурной неосведомленности». Более того, из всех трех литераторов именно Толстой дольше пробыл на Кавказе – с мая 1851 по январь 1854 года. «Этническое упрощение», по-видимому, объяснялось тем, что Толстой таким образом демонстрировал близость к народу и «говорил на понятном языке»: ведь для среднего жителя Российской империи «татарин» – это прежде всего «неверный», мусульманин.

В течение первых 15 лет существования СССР его граждане обходились без внутренних паспортов, которые начали выдавать (всем, кроме колхозников) только в 1932 году. В паспортах «вероисповедание» сменилось «национальностью» – графой, которая формировалась с опорой на «Перечень народностей для разработки материалов Всесоюзной переписи населения 1926 г.» (см.: Буллетень «Население и общество». № 267–268. 27 ноября – 10 декабря 2006. С. 106).

В переписи (и впоследствии в паспортах) фигурировали 188 народностей. Сопоставление результатов переписи и дальнейшего государственно-территориального планирования показывает, насколько культурная политика является важной для развития этнокультурной идентичности и в целом для динамики локальных культур. Так, в п. 190 («народность не указана или указана неточно») фигурировали тавлинцы, кряшены, тептяри, уйгуры, ойраты, хакасы. И именно государственно-правовая политика во многом определила дальнейший путь их этнического самоопределения. Если в современных официальных источниках и научной литературе, например, тавлинцы и тептяри уже не фигурируют в качестве этнических групп и/или локальных культур, то для хакаского этнического самосознания решающую роль сыграло образование в 1930 году Хакаской автономной области (в составе Красноярского края), население которой в 1939 году было 132533, а в 1989-м – уже 568605 чел. (см.: Итоги переписей: statmuseum.ru/ru/results/1939/; statmuseum.ru/ru/results/1989/).

При проведении переписи 1926, а также 1937 (была признана «вредительской») и 1939 годов как переписчики, так и респонденты нередко испытывали значительные сложности. Многие народности (ассирийцы, сарты) в переписном перечне не фигурировали, поэтому их представителей чаще обозначали принадлежащими к этническому большинству той или иной местности. Так, например, ассирийцы становились грузинами или азербайджанцами, а сарты – узбеками или киргизами. Однако главной причиной сложностей в (само)определении национальной принадлежности была «привычка» многих граждан Советского Союза по-прежнему идентифицировать себя в первую очередь по линии вероисповедания и не рефлексировать по поводу своей этнической принадлежности.

Конечно, XX и XXI века – причем в масштабах всего мира – внесли свои «коррективы» в формирование идентичностей представителей локальных культур. Секуляризация, модернизация, индустриализация, урбанизация и бесконечные миграции способствовали формированию некоего универсального социокультурного образца или того, что с легкой руки Г. Алмонда и С. Вербы уже более 60 лет принято называть гражданской культурой. И здесь уместно говорить уже о другой, чрезвычайно животрепещущей проблеме – сохранения культурного многообразия во всем мире и в каждом отдельном регионе.

Фокус же настоящей статьи сосредоточен на вопросах культурной идентификации и самопрезентации локальных культур. А эти процессы и сегодня не утрачивают своей связи с религиозными культурами, которым традиционно следуют представители тех или иных локальных культур. Не случайно (уже в современной литературе) прочно закрепился термин «этноконфессиональный». Однако чтобы усилить данный тезис, нам необходимо снова окунуться в историю.

Культурная политика как дихотомный феномен

В Российской империи политика государства в отношении локальных культур имела две важнейшие черты. Во-первых, как мы уже указывали, она практически полностью определялась религиозными параметрами. Во-вторых, демонстрировала неодинаковое отношение к разным этнокультурным общностям. Так, черта оседлости, просуществовавшая без малого 250 лет, распространялась исключительно на иудеев и не затрагивала евреев, принявших, например, православие [7, с. 215]. При этом, будучи обозначенным в паспорте как лютеранин, ашкенази мог восприниматься широким социумом как «немец».

В целом культурная политика Российской империи поощряла православие и была направлена на этноreligious унификацию [8]. Однако при этом действовали правовые механизмы, которые могли косвенно или прямо влиять на сохранение и развитие (с ограничениями) локальных культур. Так, различные «положения о евреях» (в редакциях 1804, 1835, 1891 годов) вводили множество ограничений, но при этом в какой-то степени регулировали их внутреннюю религиозную жизнь, позволяя существование синагог, раввинов, хедеров (религиозных школ) и кагалов (общинных органов). Будучи дискриминационными, эти акты в какой-то степени гарантировали сохранение иудейской религиозной и общинной структуры.

Правовая вертикаль была выстроена таким образом, что нормативные документы, ориентированные вроде бы на всю страну, чтобы стать легитимными, должны были конкретизироваться дополнительными правовыми, также утверждаемыми монаршей властью актами, действие которых распространялось уже на регионы локализации тех или иных этнических культур. В результате, например, многочисленные законы о веротерпимости начинали действовать в отношении одних локальных

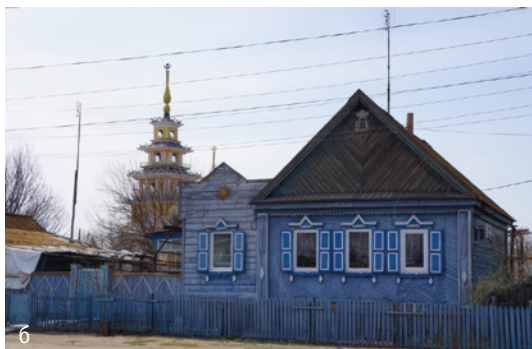

Рис. 1. Хошеутовский хурул: а) хурул в первой четверти XIX века (vetert.ru/rossiya/astrakhanskaya-oblast); б, в) отреставрированный Хошеутовский хурул в наши дни. Село Речное Харабалинского района Астраханской области (фото слева – <https://otzovik.com/>, справа – <https://astkraeved.livejournal.com>)

культур и не действовать – в отношении других, например распространялись не на всех мусульман, а только на их часть, не на всех буддистов, а лишь на некоторые буддистские культуры. И здесь мы уже видим обратную закономерность – от религии к этносу, а не наоборот.

Так, Синодский указ от 1773 года «О терпимости всех вероисповеданий» [9, т. 19, № 13996, с. 775–776] в практическом поле реализовал себя в документе 1788 года: императрицей было учреждено Оренбургское магометанское духовное собрание [9, т. 22, № 16672, с. 611]. Повеление императрицы предусматривало создание централизованного органа управления мусульманским духовенством в Верхнем Поволжье и Приуралье. Таким образом, его действие не распространялось, например, на Астраханскую губернию или Крым, присоединенный к Российской империи императорским повелением от 1783 года [9, т. 22, с. 1784–1788].

В научной литературе периодически упоминается еще более ранний документ – ратифицированный императрицей Елизаветой Петровной указ 1741 года о государственном признании буддизма в Российской империи. Профессор Прингстонского университета Н. В. Цыремпиллов указывает, что, несмотря на то что подлинник указа до сих пор не найден, судя по многочисленным свидетельствам, он все же существовал и давал определенные гарантии уважительного отношения к буддистам-ламам [10]. Основной функцией указа было признание бурят-ламаитов, проживавших вблизи восточных границ государства, подданными Российской империи. На калмыков, которые в большинстве своем следуют буддизму тибетской школы Гелуг, указ практически не распространялся. Более поздние указы и положения (например, «Положение о ламайском духовенстве» 1853 года) определяли структуру сангхи, порядок избрания лам, строительство дацанов и по-прежнему были ориентированы преимущественно на государственное регулирование бурятского буддизма («ламайской веры»). При этом, однако, несмотря на подобное положение вещей, именно в Калмыкии в 1814–1817 годах в стиле русского классицизма строится красивейший хурул как мемориальный комплекс в честь погибших в Отечественной войне 1812 года калмыков – по инициативе и на средства

Серебджаба Тюменя, калмыцкого князя и героя войны (рис. 1).

Подобные указы, с одной стороны, давали этноконфессиональным общностям определенные гарантии, но, с другой – устанавливали над ними же контроль. Поэтому то обстоятельство, что различные положения о веротерпимости по-разному проявляли себя в жизни локальных культур, для самобытного развития этих культур также имело неоднозначный, дихотомный эффект.

Манифест Николая II от 17 апреля 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости» [11] действительно имел универсальный для всей России характер и стал важнейшим законодательным актом, значительно расширившим права локальных – неправославных – культур. Манифест отменял многие ограничения, разрешал свободный переход из православия в другие вероисповедания, признавал право на свободное отправление культа для всех неправославных христиан и иноверцев. Манифест провозглашал значительное расширение религиозных свобод, легализацию многих этноконфессиональных объединений, возможность более свободного строительства храмов и ведения религиозной деятельности...

В СССР, как известно, несмотря на провозглашенную Конституцией свободу совести (например, Конституция РСФСР 1918 года, статья 13; Конституция СССР 1936 года, статья 124; Конституция СССР 1977 года, статья 52), государственная политика была направлена на атеизацию и подавление религии. Однако, как и в царской России, культурная политика была избирательной: одни народы переживали драматичные периоды своей истории, другие (особенно после Великой Отечественной войны) получали новые возможности развития этнического самосознания, что опять-таки зачастую было связано с легализацией отдельных религиозных культов. Например, в 1946 году началось становление Центрального духовного управления буддистов СССР (вместо упраздненного в конце 1930-х Центрального духовного совета буддистов СССР) с резиденцией в Иволгинском дацане (Бурятская АССР), в то время как до реабилитации и возвращения калмыков на родину и создания Калмыцкой АССР оставалось еще более 10 лет, а до учреждения в Элисте первой буддистской общины – более 40 [12].

< Рис. 2. Буддистский храм в Отрадном, Москва (<https://moscowbuddhatemple.ru>)

< Рис. 3. Соборная мечеть в Глазове (<https://historical-baggage.ru>)

Анализ этноконфессиональной политики в СССР обнаруживает и другие противоречия. Например, уже упоминавшийся «Перечень народностей для разработки материалов Всесоюзной переписи населения 1926 г.» предусматривал юридическое «упразднение» нескольких картвельских этносов – собственно картвелов, аджарцев, мегрелов, лавов и сванов, обозначив их всех как грузин (см.: Бюллетень «Население и общество». № 267–268. 27 ноября – 10 декабря 2006. С. 106). При этом в составе Грузинской ССР была создана Аджарская Автономная Республика с центром в Батуми. Аджария была создана как бы не по этническому (аджарский этнос был упразднен), а по регионально-религиозному признаку. Аджарцы отличались от остальных грузин исключительно вероисповеданием – они были мусульманами. Задачей советской власти было сделать из мусульманской республики полностью атеистическую, однако в результате определенного стечения обстоятельств сегодня большинство аджарцев причисляют себя к Грузинской православной церкви.

После 1991 года многое изменилось – как в политико-правовом контексте, так и в цивилизационном поле межкультурных коммуникаций [13]. Однако тенденция ассоциировать локальные культуры с этнорелигиозными общностями, а социокультурную динамику осмысливать во многом как историю этноконфессиональных взаимодействий [14, с. 257] осталась. И у этого есть причины, проявляющие себя «с поправкой на современность».

Локальные культуры в современных архитектурных ландшафтах

Постараемся ответить на вопрос: как в пространстве современного большого города (или даже небольшого населенного пункта) индивид (или группа) может наглядно обозначить себя как представителя определенной локальной культуры? Может быть, через национальный костюм? Вряд ли это актуально в наши дни, если уже в 1926 году, например, большинство татар-мусульман у соборной мечети Ленинграда были одеты по-европейски (<https://eusp.org/news/>).

В какой-то степени серьезным социокультурным идентификатором остается язык. Однако в городском массовом обществе период лингвистической ассимиля-

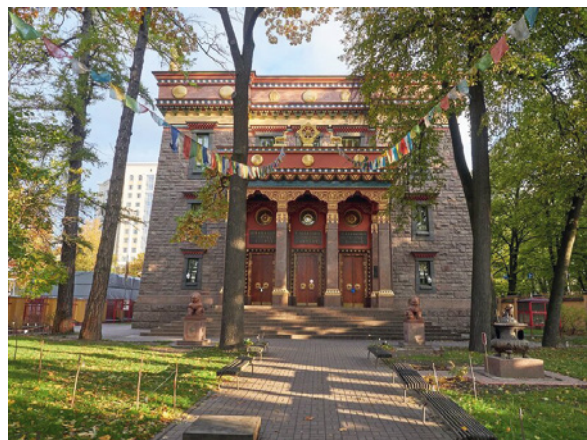
ции становится короче срока жизни одного поколения. Но при этом религиозная сторона развития локальных культур проявляет себя, и в ряде случаев не менее явно, чем сто лет назад.

Пусть в современной Йошкар-Оле мы почти не услышим марийской речи, народ мари возрождает в наши дни языческие культы. И если национальный костюм и входит снова в моду, то благодаря подобным практикам. В то время как идиш и джуури (горско-еврейский язык) становятся менее и менее распространенными, синагоги строятся все активнее. Возводятся, помимо прочих, и специализированные синагоги, предназначенные, например, для горских евреев (<https://moskvichmag.ru/>).

Ауто- и гетероидентификация этнических общностей в этноконфессиональном контексте проявляет себя через культовые сооружения, вписанные в градостроительную палитру городов, для которых эти локальные культуры исторически воспринимались как «иные». Так, мы можем наблюдать, как в архитектурный ансамбль московского Отрадного в 2014 году был интегрирован буддистский храм (рис. 2), а на севере Удмуртии, в центре Глазова, в 2019-м была возведена соборная мечеть (рис. 3).

Закономерно задаться вопросом: как вписываются мечети, синагоги, хурулы, протестантские храмы в ландшафты современных городов, где прихожане этих храмов составляют этноконфессиональное меньшинство? Резонно предположить, что культовые сооружения находятся здесь в изолированном положении по отношению к общему архитектурному ансамблю. Однако действительность свидетельствует об обратном. Соборная мечеть в удмуртском Глазове построена в непосредственной близости к центру города, на набережной, и инкорпорируется в ландшафт небольшого города.

Хошеутовский хурул в Астраханской области после реставрации в 2015 году утратил ряд элементов, включая забор. Сегодня хурул является органичной частью поселка, где за почти 220 лет этноконфессиональная ситуация кардинально изменилась: здесь в настоящее время численно преобладают русские и казахи, а калмыки-буддисты (прихожане хурула), некогда формировавшие местное культурное большинство, составляют 2,5% (рис. 1). Буддистские храмы строились, как правило, в некотором удалении от жилых массивов. В период,

< Рис. 4. Дацан Гунзэчойнэй в Санкт-Петербурге (<https://spbcult.ru>)

v Рис. 5. Большая хоральная синагога в Санкт-Петербурге (<https://78.ru/amp>)

> Рис. 6. Римско-католические храмы Иркутска: а) Польский костел – римско-католический костел Успения Девы Марии (<https://35photo.pro>); б) кафедральный собор Непорочного Сердца Божьей Матери (<https://38irk.online>)

когда воздвигался Хошеутовский хурул, село Речное Харабалинского района Астраханской области в современном виде еще не было выстроено. Русские и казахские домовладения начали «приближаться» к хурулу спустя многие десятилетия.

В российской столице буддистский храм построен в Отрадном – это, действительно, не центр города. Это не противоречит традициям размещения буддистских культовых сооружений. Храм находится вблизи жилого массива, но в некотором удалении от него. Так и знаменитый дацан Гунзэчойнэй в Санкт-Петербурге (освящен в 1915 году, в 1990-м отреставрирован и открыт повторно) (рис. 4), являющий одним из ярких образцов архитектуры модерна, расположен в районе метро «Старая Деревня», примерно в семи километрах от центра города.

Иная концепция – в размещении синагог. Их чаще можно видеть в центре больших городов. Например, в Санкт-Петербурге Большая хоральная синагога находится на Лермонтовском проспекте (рис. 5) и, в отличие от других храмовых сооружений, построенных до 1917 года и упоминаемых в этой статье, закрывалась лишь однажды – в 1930-м на полгода.

Культовые сооружения неправославных христианских конфессий занимают важное место в городских ландшафтах. Так, в Иркутске (как и в Москве) – два католических храма (рис. 6). Польский костел, расположенный в центре города, построенный в 1881 году в неоготическом стиле и восстановленный в середине 1970-х, ныне находится в юрисдикции Иркутской филармонии, оставаясь с 1991 года и по сей день местом ежедневных богослужений. Новый кафедральный собор, построенный в 2000 году в конструктивистском стиле (находится в юрисдикции Местной Римско-католической религиозной организации), расположен в районе иркутского Студгородка и окружен общежитиями госуниверситета и политеха. Оба храма играют существенную роль в культурной жизни города.

Англиканская (единственная в Москве) церковь имени Св. Андрея Первозванного (рис. 7) была построена в 1884 году в стиле викторианской неоготики. После долгого перерыва и реставрации (с 1990 года) в ней ведутся регулярные службы на английском языке. Церковь находится в семи минутах ходьбы от метро «Тверская».

Невысокий забор не изолирует церковь от внешнего мира, но выполняет важную функцию: прихожанин или посетитель концерта (таковые проводятся здесь регулярно) может оставить на территории храма личный автомобиль.

Примечательно, что действующие христианские неправоиславные храмы активно выполняют роль творческих площадок. Это относится и к московской церкви Святого Андрея, и к обоим иркутским католическим храмам, и ко многим другим. Как правило, в таких культовых сооружениях великолепная акустика – не случайно в здании церкви Святого Андрея с 1960 по 1990 год размещалась студия грамзаписи фирмы «Мелодия», где многие советские певцы и музыканты записывали свои композиции. Сегодня здесь звучат орган, кларнет и скрипка (не только духовная музыка, но и Бах, Вивальди, Лист и современные композиторы) и голоса солистов, исполняющих романсы и оперные партии. Множество людей разных национальностей и конфессий приходят сюда, чтобы реализовать свою эстетическую потребность. Локальное и универсальное создают контекст, в котором гармония оказывается выше предрассудков.

Сегодня локальные культуры презентуют себя в цивилизационной палитре российских городов через градостроительный контекст в форме новых и отреставрированных культовых сооружений. В развитии России как государства-цивилизации этническая динамика по своей природе всегда выступала и, что важно, нередко легально оформлялась как динамика этноконфессиональная. К сожалению, периодически культовые сооружения становятся мишенью для фанатиков. Мы не можем не упомянуть об этом, настаивая тем не менее на том, что в большинстве случаев храм, презентующий локальную культуру в более широкой инокультурной среде, выполняет роль транскультурного амбассадора, стимулируя социальную эмпатию, основанную на эстетическом чувстве, имманентно свойственном большинству людей.

Литература

1. Савенков, А. Н. Философия права и становление российского государства-цивилизации. – Москва : Наука, 2024. – 739 с.
2. Горбань, В. С., Маликов, С. В. Формирование целостной картины российской истории: синтез археологии, историографии и гуманитарной мысли // Государство и право. – 2025. – № 12. – С. 203–206.
3. Николис, Г., Пригожин, И. Понимание сложного. Введение / пер. с англ. – Москва : URSS, Ленанд, 2014. – 342 с.
4. Савченко, И. А. Дихотомия культуры и цивилизации в турецкой социологии // Цифровой ученый: лаборатория философа. – 2024. – Т. 7, № 3. – С. 137–148.
5. Велланский, Д. М. Основное начертание общей и частной физиологии, или физики органического мира. – Санкт-Петербург : Гуттенбергова тип., 1836. – 502 с.
6. Флоренский, П. А. Записка о христианстве и культуре // Сочинения : в 4 т. Москва : Мысль. – Т. 2. – 1996. – С. 547–559.
7. Ильин, С. А. Русская православная церковь и «еврейский вопрос» в Российской империи // Вестник Томского гос. университета. – 2009. – № 3. – С. 215–220.
8. Дякин, В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.). – Санкт-Петербург : Лисс, 1998. – 1000 с.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. – Санкт-Петербург : Типография 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1830. Коллекция БЭС. – URL: <https://bigenc.ru/b/o-terpimosti-vsekh-veroisp-518e70> (дата обращения: 05.03.2026).
10. Цыремполов, Н. В. Когда Россия признала буддизм? В поисках указа 1741 г. императрицы Елизаветы Петровны об официальном признании буддизма российскими властями // Гуманитарный вектор. Сер. История, политология. – 2014. – № 3 (39). – С. 96–109.
11. «Об укреплении начал веротерпимости» : Указ от 17 апреля 1905 года // Собрание узаконений и распоряжений Правительства (№ 63. Отд. 1. Ст. 526). – Санкт-Петербург, 1905. – С. 710–712. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_02000000765/?ysclid=mlr6p0t3ad5507014 (дата обращения: 10.03.2026).

< Рис. 7. Англиканская церковь им. Святого Андрея Первозванного в Москве (mycruises.livejournal.com)

12. Кукеев, А. Г. К вопросу о современном состоянии буддизма в Калмыкии // Научная мысль Кавказа. – 2011. – № 1–2 (65). – С. 123–126.

13. Мяснев, А. П. Распад СССР и создание новой системы межэтнических отношений в Российской Федерации в 1990-е годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. – 2020. – № 1. – С. 27–33.

14. Жуков, В. И. Цивилизация: от гипотез, сказаний и былин к правовой определенности // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. – 2025. – Т. 24. – № 2. – С. 249–263.

References

- Dyakin, V. S. (1998). *Nacional'nyj vopros vo vnutrennej politike carizma (XIX – nachalo XX vv.)* [The national question in the internal policy of tsarism (XIX – early XX centuries)]. St. Petersburg: Liss.
- Florensky, P. A. (1996). *Zapiska o hristianstve i kul'ture* [A note on Christianity and culture]. In *Sochineniya v 4-h tt. [Essays in 4 volumes]* (Vol. 2, pp. 547-559). Moscow: Mysl'.
- Gorban, V. S., & Malikov, S. V. (2025). Formation of a holistic picture of Russian history: Synthesis of archeology, historiography and humanitarian thought. *Gosudarstvo i pravo*, (12), 203-206.
- Ilyin, S. A. (2009). Russian Orthodox Church and “Jewish question” in Russian Empire. *Tomsk State University Journal*, (3), 215-220.
- Kukeev, A. G. (2011). Towards a problem of revival of the Kalmyk Buddhism at the present stage. *Nauchnaya mysl' Kavkaza [Scientific thought of the Caucasus]*, (1-2(65)), 123-126.
- Myashev, A. P. (2020). The collapse of the USSR and the creation of a new system of interethnic relations in the Russian Federation in the 1990s. *Izvestiya of Saratov University. History International relations*, 20(1), 27-33.
- Nicolis, G., & Prigogine, I. (2014). *Exploring Complexity. An Introduction* (V. F. Pastushenko, Trans.) (2nd ed.). Moscow: URSS, Lenand.
- “Ob ukreplenii nachal veroterpimosti”. Ukaz ot 17 aprelya 1905 goda [“On strengthening the principles of religious tolerance”. Decree of April 17, 1905]. (1905, April 17). *Sobranie zakonov i rasporyazhenij Pravitel'stva [Collection of laws and orders of the Government]*, (63(1)), article 526, 710-712). St. Petersburg. Retrieved March 10, 2026, from https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_02000000765/?ysclid=mlr6p0t3ad5507014
- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 1-e [The Complete Collection of laws of the Russian Empire. Meeting 1]*. (1830). St. Petersburg: Printing House of the 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. Retrieved March 5, 2026, from <https://bigenc.ru/b/o-terpimosti-vsekh-veroisp-518e70>
- Savchenko, I. A. (2024). The dichotomy of culture and civilization in Turkish sociology. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 7(3), 137-148.
- Savenkov, A. N. (2024). *Filosofiya prava i stanovlenie rossijskogo gosudarstva-civilizacii [Philosophy of law and the formation of the Russian civilization state]*. Moscow: Nauka.
- Tsyrempilov, N. V. (2014). When did Russia recognize Buddhism? In pursuit of 1741 Decree by Empress Elizaveta Petrovna officially recognizing of Buddhism by the Russian authorities]. *Humanitarian Vector. Series History, Political Sciences*, 3(39), 96-109.
- Vellansky, D. M. (1836). *Osnovnoe nachertanie obshchej i chastnoj fiziologii, ili fiziki organicheskogo mira [The basic outline of general and private physiology, or physics of the organic world]*. St. Petersburg: Guttenbergova tipografiya. Retrieved from https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003571121/
- Zhukov, V. I. (2025). Civilization: From hypotheses, legends and epics to legal certainty. *RUDN Journal of Russian History*, 24(2), 249-263.